

Одной из задач этих проектов способствовать консолидации гуманитарных научных сил ВГУ. Статья М. А. Стерниной, рассказывающая о совместном с американцами проекте по исследованию коммуникативного поведения народов двух стран, свидетельствует о том, что национальная идентичность и принципы межкультурной коммуникации могут стать той проблемой, вокруг которой объединять свои усилия многие ученые-гуманитарии нашего вуза.

Организаторы школы-семинара стремились познакомить его участников с некоторыми приемами новых компьютерных образовательных технологий и дистанционного научного взаимодействия. В этом отношении показателен материал В. В. Струкова и Ю. В. Куркина. Характерная для проекта тенденция сближения научных разработок с практикой преподавания и межкультурной коммуникации отражена в работах В. Т. Титова, М. А. Стерниной, Л. И. Гришаевой.

В публикациях данного раздела представлен промежуточный этап работы над проектом “Школа-семинар “Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации””. Более полно результаты его реализации будут отражены в сборнике материалов, выход которого планируется в конце 2001 — начале 2002 г.

Попова М. К.

И. А. Стернин

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК КАТЕГОРИЯ РУССКОГО КОММУНИКАТИВНОГО СОЗНАНИЯ

Необходимо в начале пояснить сам термин “*коммуникативное сознание*”, а также провести разграничение между *коммуникативным сознанием* и *речевым мышлением*.

В науке пока нет четкого разграничения базовых терминов — *мышление* и *сознание*. Эти понятия трактуются по-разному: иногда противопоставляются друг другу, иногда разграничиваются, иногда употребляются как синонимы. Сразу оговорим, что мы *сознание* и *мышление* применительно к исследуемому феномену не разграничиваем, употребляя их как синонимы. При этом отметим, что термин *сознание* акцентирует статистический аспект

явления, а мышление – *динамический*. Сознание — это свойство мозга, мышление — это деятельность мозга, наделенного сознанием) т.е. мыслительная деятельность). Именно в этом аспекте нам представляется целесообразным разграничить *речевое мышление и коммуникативное сознание*.

Речевое мышление — это механизмы порождения, восприятия и понимания речи. Речевое мышление исследуют психология, психолингвистика, нейролингвистика, логопедия, в какой-то степени — методика обучения языку.

Коммуникативное сознание — это совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность. Это — коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации.

Под *коммуникативными категориями* понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые — о его речи. Так, для русского коммуникативного сознания могут быть выделены в качестве релевантных такие коммуникативные категории, как собственно категория *общение*, категории *вежливость, грубость, коммуникабельность, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативная ответственность, эмоциональность, коммуникативная оценочность, коммуникативное доверие, коммуникативное давление, спор, конфликт, коммуникативная серьезность, реквестивность, коммуникативная эффективность, молчание, коммуникативный оптимизм/пессимизм, сохранение лица*, категория *тематики общения, грамотность*, категория *коммуникативного идеала* и др. Коммуникативные категории, отражающие отношение человека к речи, — *родной язык, иностранный язык, языковой паспорт, культура речи, хорошая речь* и др.

Можно выделить и некоторые более конкретные категории: *диалог, монолог, официальная речь, неофициальная речь, публичная речь, слушание, говорение*.

Та или иная категория становится “наблюдаемой” и вычленяется как таковая в коммуникативном сознании народа по ее проявлениям в общении — именно из анализа практики общения выделяются категории и определяется их содержание.

Коммуникативные категории, как и любые мыслительные категории, тем или иным образом упорядочивают ментальные представления нации о нормах и правилах коммуникации. Это

упорядочение осуществляется не жестко, вероятно, многие категории взаимно накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом — явление, характерное для всех когнитивных категорий. Однако основное назначение коммуникативных категорий — не упорядочение сведений о нормах и правилах общения (это делает исследователь, выделяющий и систематизирующий коммуникативные категории народа), а обеспечение, организация речевого общения индивида в обществе. Содержание коммуникативной категории представляет собой некоторую (не очень жестко) упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения.

По-видимому, в рамках коммуникативных категорий образующая их информация (концепты, установки, правила) упорядочивается, структурируется по яркости, актуальности для сознания, т.е. по полювому принципу. Категория содержит определенное концептуальное знание о коммуникации (информационный аспект, информационная составляющая категории), а также “прескрипции” предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения); этот аспект может быть назван прескрипционным. Прескрипционная составляющая коммуникативной категории включает прескрипции разных видов: прескрипции, которые носят предписывающий характер (что надо делать и как в общении), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные) как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия.

Некоторые из таких установок отражены в пословицах, поговорках и присловьях (яйца курицу не учат; смех без причины — признак дурачины; коротко и ясно; брань на ворота не виснет и др.), другие выявляются только из анализов коммуникативной практики народа (через порог не разговаривают, прикосновение повышает убедительность, длительное совместное пребывание в одном месте с незнакомым человеком предполагает вступление с ним в общение, слабое рукопожатие свидетельствует о нерешительности, в гости надо немного опоздать, за столом надо участвовать в общем разговоре и др.).

Информационная и прескрипционная составляющие коммуникативной категории дополняют друг друга и существуют в неразрывном единстве, но в интересах систематического описания информационное и прескрипционное содержание коммуникативной категории могут быть вычленены и описаны по отдельности.

Некоторые коммуникативные категории могут быть эндемичными или лакунарными для того или иного этноса. Ср., к примеру: коммуникативные категории англоязычного западного мира — *small talk, privacy, tolerance, political correctness*, японская коммуникативная категория *sabi* “уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием какого-либо одного звука”, категории “сохранение своего лица”, “сохранение лица собеседника” японского и западного мышления — эти категории для русского коммуникативного сознания лакунарны; только формируется в настоящее время в русском коммуникативном сознании категория *толерантности* на базе заимствованного слова. Вместе с тем такие русские коммуникативные категории, как *общение, разговор по душам, выяснение отношений* эндемичны (т.е. присущи только одному языку) и отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, европейских).

Для русского коммуникативного сознания свойственно сугубо национальное представление об *ограниченном коммуникативном суверенитете личности*: русское сознание считает допустимым коммуникативное вторжение в сферу практически любой личности, почти в любых условиях. Эстонский студент, проучившийся в МГУ в советское время 5 лет и проживший все эти годы в студенческом общежитии, получив диплом и собрав чемодан, чтобы навсегда уехать в Эстонию, не удержался и сказал на прощание своим русским соседям по комнате: “Все-таки у вас, русских, есть отвратительная привычка — каждый может в любое время войти в твою комнату и заговорить с тобой!”

Русское сознание не видит препятствий, чтобы заговорить с любым человеком. Можно делать замечания незнакомым людям, давать им советы, вмешиваться в беседу разговаривающих людей, чтобы задать одному из них вопрос, можно задавать собеседникам сугубо личные вопросы, можно “вешать” свои проблемы на других, обращаться с просьбами об одолжении к незнакомым людям, можно высказать свое мнение по поводу того, что обсуждают рядом знакомые люди, — поправить их, разъяснить им их ошибку, можно близко подходить к человеку, дотрагиваться до собеседника и мн. др.

Описание категорий, установок и концептов может быть осуществлено на двух уровнях — рефлексивном и бытийном, для некоторых категорий возможен еще духовный уровень описания (В. П. Зинченко).

Рефлексивный анализ предполагает выявление структуры категории как элемента концептосферы, ее связей с другими категориями и концептами в сознании человека.

Бытийный анализ предполагает изучение отношения национального сознания к концепту и реальной роли концепта в обусловленном данным концептом поведения людей. Концепт может содержательно присутствовать в концептосфере народа, но люди могут совсем не руководствоваться им в практическом поведении, хотя и правильно его понимают и осознают необходимость его реализации на практике. Например, концепты *свобода* и *демократия* есть в русском сознании, но они практически не обуславливают поведение народа в духе свободы и демократии в повседневной жизни.

Люди могут хорошо знать некоторые правила, но при этом знание этих правил может совсем не сопровождаться их выполнением, что особенно характерно для русского менталитета (*рефлексивно* все взрослые, понимают, что перебивать собеседника нехорошо, они делают по этому поводу замечания детям, которые их перебивают, но мало кто эту коммуникативную прескрипцию *бытийно* соблюдает сам).

Бытийный уровень описания — это уровень практического исполнения правил и предписаний, уровень коммуникативной практики — не “как надо”, а “как на самом деле делают”.

Духовный уровень — это роль категории в духовной культуре нации, степень ее “вписанности” в духовную культуру народа, важность для духовной культуры народа, принадлежность этой категории к национальным ценностям. К примеру, категория *общения* важна для русской духовной культуры, занимает в ней одно из центральных мест, является ценностью для русского человека, чего нельзя сказать о ценности таких категорий, как *толерантность*, *вежливость*, *коммуникативная неприкосновенность*: русскому сознанию более важна в духовном плане такая категория, как *искренность*.

Коммуникативные категории как элементы коммуникативного сознания практически не исследованы. Вместе с тем их изучение и описание имеет как теоретическую, так и прикладную значимость. С теоретической точки зрения, изучение коммуникативных категорий позволит понять как саму структуру коммуникативного сознания человека, так и механизм реализации коммуникативных категорий в процессе общения. При этом подчеркнем, что коммуникативное сознание может быть описано не только для определенного народа, этнического коллектива, но и для отдельных социальных, возрастных, гендерных групп, а также для отдельной личности.

Интереснейшей проблемой является проблема формирования

коммуникативного сознания: как и когда, под влиянием каких факторов формируются коммуникативные категории в сознании человека, в какой последовательности, как формируются и изменяются их содержание в различном возрасте, какие факторы влияют (или могут влиять) на формирование коммуникативного сознания ребенка и взрослого.

Исследование возрастной динамики формирования и развития коммуникативного сознания ребенка позволит наметить пути педагогического и воспитательного воздействия на этот процесс, разработать методы и приемы коррекции коммуникативного поведения личности в обществе. В этом — прикладная значимость исследований в сфере коммуникативного поведения.

Приведем примеры описания некоторых русских коммуникативных категорий. Подчеркнем, что исследование русского коммуникативного сознания находится еще на предварительном этапе и по данным категориям выполнены далеко не все необходимые исследовательские процедуры. Тем не менее приводимый ниже материал позволит представить как методiku, так и форму представления результатов исследования.

Коммуникативная категория *родной язык* в концептосфере носителя современного русского языка может выглядеть следующим образом.

Рефлексивный уровень

Русский язык — “великий и могучий”.

Русский язык — язык Пушкина, Толстого, великой русской литературы.

Сейчас русский язык в опасности, его наводнили заимствования, жаргонные и уголовные слова.

По радио, телевидению, в газетах все время встречаются образцы неправильной русской речи.

В русском языке труднее правописание и ударение.

Научиться грамотно писать по-русски очень трудно.

Значение русского языка сейчас ухудшилось.

Надо учить правильно говорить политиков и журналистов.

Надо уметь хорошо говорить и писать на родном языке.

Сейчас стали больше внимания уделять русскому языку, и это хорошо.

У нас масса малограмотных и не умеющих хорошо говорить людей, особенно среди начальства.

Язык — показатель общей культуры человека.

Бытийный уровень

Мы плохо знаем русский язык.

Мы всю жизнь так говорили и так будем говорить, переучивать нас бесполезно.

Нас все равно не переучишь

Хорошо бы уметь хорошо говорить и писать по-русски, но это недостижимо.

Есть более важные дела, чем учить русский язык.

Научиться грамотно писать и говорить по-русски практически невозможно.

В школе русский язык учили, и этого достаточно.

Русский язык — самый скучный и ненавистный предмет в моей учебе.

Делать ошибки в русском языке не страшно.

К этому надо относиться спокойно.

Хорошее знание русского языка необходимо политикам, журналистам, начальству, лекторам, рядовому человеку оно не обязательно.

Главное — грамотно писать, правильная устная речь не обязательна, это не главное для человека.

Приятно. Когда рядом с тобой говорят грамотно и культурно.

Сейчас столько новых слов, что их запомнить невозможно, поэтому знание русского языка ухудшилось.

Совершенствоваться в русском языке бесполезно, все равно будешь делать ошибки.

Все плохо знают русский язык, и это позволяет мне тоже не уделять ему особого внимания.

Хорошее знание русского языка сейчас нигде не требуется.

Ошибки в родном языке простительны.

Плохое знание алфавита простительно.

Как человек говорит — не важно, важно, что он делает и какой он человек.

Отсутствующие установки:

Надо совершенствоваться в русском языке после школы.

Надо иметь дома словари и справочники по русскому языку.

Стыдно плохо говорить на своем родном языке.

Все взрослые должны хорошо говорить и совершенствоваться в своем родном языке.

Духовный уровень: На этом уровне коммуникативная категория

родной язык не представлена. Он не осознается как важнейший компонент духовной культуры общества, не сформировано чувство стыда за плохую речь на своем родном языке. Не принято хвалить человека за хорошее знание им родного языка. Коммуникативная категория *родной язык* в русском сознании не относится к национальным ценностям.

Коммуникативная категория *иностранн^{ый} язык*.

Рефлексивный уровень

Иностранн^{ый} язык трудно освоить, он требует особых усилий. Чтобы хорошо выучить иностранн^{ый} язык, им надо много заниматься и заниматься дополнительно.

Любые затраты на иностранн^{ый} язык окупятся.

Мы все знаем иностранные языки недостаточно.

Сейчас стали больше внимания уделять иностранным языкам, знание иностранного языка улучшается.

Появилось много русских людей, особенно молодежи, которые хорошо знают английский язык.

Бытийный уровень

Сейчас иностранные языки нужно хорошо знать.

Без иностранного языка не получишь хорошую работу, не поедешь за границу.

Для молодежи очень важно хорошо выучить иностранн^{ый} язык.

Надо специально, углубленно изучать иностранн^{ый} язык.

Особенно важно сейчас знать английский язык.

В иностранном языке надо все время совершенствоваться, мы его забываем.

На изучение иностранного языка не надо жалеть денег.

Надо иметь дома словари и учебники по иностранному языку.

Надо учиться по иностранным учебникам.

Надо сдавать иностранные экзамены на уровень знания иностранного языка.

Если человек хорошо владеет иностранным языком, это показатель его успешности и перспективности как специалиста.

Главное — научиться устной речи на иностранном языке.

Умение объясняться за границей — показатель успешности человека, высокая его оценка.

Духовный уровень: на этом уровне иностранн^{ый} язык не представлен, подход к нему чисто прагматический, но наблюдается

некоторая общественная тенденция к осознанию иностранного языка как ценности.

Анализ показывает, что категория *родной язык* в русском коммуникативном сознании не предполагает яркого положительно-оценочного отношения к родному языку, нет традиции положительно оценивать людей за хорошее владение им, нет установки на совершенствование знаний в области родного языка в течение всей жизни, существует “простительное”, добродушно-ироническое отношение к своей языковой безграмотности, нежелание прилагать усилия для того, чтобы узнать, как правильно произносится то или иное слово, нежелание пользоваться словарями, прилагать усилия для совершенствования полученных в школе языковых знаний.

Существует установка сознания на неизменность речевой культуры человека от рождения — “Мы всегда так говорили, так и будем говорить”, установка на невозможность коррекции знаний в области родного языка в зрелом возрасте (“поздно нас переучивать уже”).

Категория *иностраннй язык*” в русском коммуникативном сознании представлена исключительно позитивно — иностранный язык надо знать, надо прилагать усилия для его изучения, которое оправдывает все затраты, иностранный язык нужен для жизни, знание иностранного языка полезно, люди, владеющие иностранными языками, оцениваются высоко.

Сравнивая содержание категорий *родной язык* и *иностраннй язык* в современной русской концептосфере, нельзя не заметить, что коммуникативное сознание русского человека отдает приоритет иностранному языку перед родным, на бытийном уровне сознания не считает большим грехом плохое владение родным языком и выражает пессимизм в отношении возможности обретения высокого уровня владения родным языком.

Именно эти особенности русского коммуникативного сознания объясняют резкое падение речевой культуры в российском обществе, а вовсе не “происки врагов, наводняющих русский язык уголовными и иностранными словами”. Кризис не в языке — ему-то ничто не угрожает, “кризис в головах людей”, как говорил профессор Филипп Филиппович Преображенский в “Собачем сердце” М. Булгакова.